

Ром Амор

МОРФИН

ФАНТОМ ЛЮБВИ

18+

Ром Амор

Морфин. Фантом любви

«Автор»

2016

Амор Р.

Морфин. Фантом любви / Р. Амор — «Автор», 2016

Боль от утерянной любви разливается по мокрым улицам осеннего Киева. Он все еще рисует ее портреты. Гонится за прошлым. И каждый раз, возвращаясь к воспоминаниям о женщине, которая изменила его жизнь – закрывает глаза от боли. Ее звали Марина. Она очаровала его с первой встречи. Поймала его сердце, закрыла на замок и исчезла. Случайно или преднамеренно превратила жизнь успешного бизнесмена в жизнь художника-одиночки. Утоляя свою боль опиатами, он пытается заполнить пустоту. Однако случайная встреча с молодой девушкой дает ему шанс на спасение. Завораживающая история необычной первой и последней любви. Страстный, захватывающий роман с элементом мистики на улицах Киева и Амальфи.

© Амор Р., 2016

© Автор, 2016

Ром Амор Морфин. Фантом любви

© Copyright. All Rights Reserved

Пролог

«Люблю...» – шептали мы друг другу, купаясь в нежностях рук и глаз. Мне не доводилось переживать счастливей момента, нежели те мгновенья, проведенные с ней, с ее сладкими губами, что своими гранями разжигали мои порывы, с ее ресницами, что, стесняясь, замирали в ожидании яркого полета. Особого полета – на высоте нашего счастья. Счастья быть друг у друга, владеть друг другом, любить друг друга.

Мы, словно подростки, путались в белых шелковых простынях, что пропускали теплый обеденный свет и наполняли наш мир наивностью и легкостью бытия.

– Ты опять кусаешься? – нежно отдернув свою щеку от меня, сказала Марина.

– Да, если бы мог, съел тебя, – шутил я, продолжая целовать ее шею и чувствуя дрожь любимого тела под собой, – это все, что мне остается... только легонько покусывать тебя.

Ах, как нежна ее кожа, что словно шелк обвивает ее тело... как нежны блуждания ее пальцев по моему затылку... Как нежны ее губы, которые робко приоткрылись, почувствовав мое приближение...

Нам казалось, мы могли бы заниматься любовью вечно. И те длинные ночи страсти между нами всегда оставляли нам силы для желания реванша по утрам.

С того времени, как мы появились друг у друга, мои утренние часы жизни не только наполнились особыми красками, но и сдвинулись ближе к полудню. Я, ранее человек – утренняя птица, не смог справиться с мыслью, что мне нужно покинуть постель с этим очаровательным созданием, лежавшим рядышком со сладко закрытыми глазами, и начинать рабочий день, пока она дальше видит свои яркие сны. Поэтому со временем я перенял у Марины привычку долго спать, сквозь сон чувствуя близость любимого человека. Даже просыпаясь с полной уверенностью, что уже время, я отпускал себя обратно в сновидения, если замечал, что моя драгоценная женщина еще спит. Это лишь одна из немногих привычек, которая навсегда осталась со мной от нее... Сейчас я уверенно могу сказать, что она, как никто другой, целиком изменила мой мир.

Глава I

Блестящая от вчерашних капель дождя брусчатка вела случайных прохожих, глазающих по сторонам туристов и спешащих на работу жителей по Андреевскому спуску. Мимо расставленных картин и репродукций талантливых художников и менее талантливых торгашей шныряли люди, заглядывая в каждую работу и пытаясь найти в ней шедевральность и гений художника, которыми зачастую там и не пахло.

Придя раньше обычного, я стал доставать из черной сумки картины и небрежно развешивать их в хаотичном порядке по своей раскладке. Это был очередной ничего не обещающий день торговли, уставшего от жизни человека.

– Дай-ка погадаю тебе, милоч? – обратилась ко мне женщина с голосом старухи и внешностью уже не молодой цыганки.

– Еще чего! Убирайся прочь. Не хватало мне на твои басни время и деньги тратить!

– Кому-то басни, а кому-то советы на всю жизнь, – скривившись в ожидающей улыбке бросила она.

– Нет уж, ступай! Таких шарлатанов и без тебя здесь хватает!

– Вот сейчас ты обозвал меня шарлатанкой, а еще ведь не знаешь, как подшутила жизнь над тобой, пока ты держал глаза закрытыми. Ах, эти люди-люди, ходишь к ним с правдой, а они слепо прогоняют тебя прочь! Ничего, милоч, скоро ты поймешь... Все поймешь... Глянешь в свое отражение на холсте и вспомнишь тогда цыганку... Припомнишь ее слова... Только будет поздно, не спасешься сам, не спасет никто. Погубит она тебя, погубит.

Старуха поплелась прочь, сетуя и негодуя моему отказу. А я больше ничему не верю. Просто существую, перелистываю свои одинокие дни да прогоняю холодные ночи.

Уже который год подряд я торгую на этом месте. Торговлей это сложно назвать, скорее выставка. Выставка эмоций жизни. Каждое утро я открываю миру свои семь картин, а на закате исчезаю с ними прочь.

Андреевский спуск – особенное, чарующее своей красотой и шармом место древнего города Киева, немудрено, что именно сюда стекаются толпы туристов и влюбленных парочек, которые наслаждаются красотой и пытаются оставить себе на память кусочек этой атмосферы, купив одну из недешевых картин или банально сфоткав ее на новенький iPhone, чтобы в коей раз подчеркнуть «мол, я Homo sapiens и знаю толк в искусстве или как минимум в красоте». Этим и пользуются местные художники, выставляя свои творения на обозрение прохожих, в надежде, что у очередного туриста найдется несколько тысяч, чтобы купить уникальную картину в Городе Души.

Если тебе удалось за день продать хотя бы одну – ты или счастливчик, или просто установил цену ниже планки. Говоря экономическим языком – использовал демпинговую составляющую. Таких дельцов здесь не любят. В обществе художников и продавцов картин есть свои негласные правила: если о том, что ты играешь на понижение цены, станет известно другим, они найдут возможности выдавить тебя из этой среды.

Как любой бизнес – этот не менее жесток, пусть и кажется малым в своих масштабах. Выжить на заработанные деньги нелегко, хотя это утверждение, наверное, справедливо ко всей моей стране. Впрочем, если у тебя хватает мозгов и сноровки, тебе это удастся. К примеру, семейство Пожаловых: Валентин с утра до темна продает картины незаурядного сюжета, которые дома рисует его жена. Им удаётся неплохо сводить концы с концами, учитывая, что их старший сын получает высшее образование за границей, а дочурка ходит в достойную школу и еще на множество дополнительных занятий.

Вы спросите, почему я считаю их картины заурядными? Да очень просто – они лишены всякого сюжета, зачастую это просто красивые краски на холсте. Нет, конечно, вы можете увидеть глубочайший смысл и философию в раскрывающемся тюльпане на фоне трепетно-голубого неба, но поспешу вас разочаровать: художник ничего этим не хотел вам сказать, ну разве что: «Купите ее у меня. Она отлично впишется в интерьер вашей кухни».

Таких «глубоко сюжетных» картин здесь большинство. «Поле красных маков», «Целующиеся влюбленные на мостовой», «Блики золота куполов Андреевской церкви», «Цвет киевских каштанов», «Одинокий причал», «Собака на сене» или банальные натюрморты – это типичное предложение фантазий здешних создателей. Нет, конечно, есть исключения. Именно к таким исключениям некоторые мои коллеги, да и зрелые покупатели относят меня.

Таких, как я, здесь меньшинство. Пускай не гении, но люди, которые используют искусство как эмоции вовне. Мы рисуем не ради денег, их вечно не хватает, а ради утоления крика души, порой вырывающегося из прочных объятий нашего сознания и естества.

Геннадий Васильевич, наверное, чуть ли не один из тех, кого я искренне уважаю за то, что ему пришлось пережить, и за то, что он пытается донести людям в своих картинах.

Вы ведь наверняка знаете, как тяжело достучаться до человеческих сердец в нашем двадцать первом веке. Здесь правят бал безрассудство, жадность, власть фактов, технологий и нефильТРованной информации. Люди отключают свое несознательное и чувственное восприятие мира, отдаваясь целиком в руки зверя- материалиста, подпитывающегося человеческими пороками и страхами. Страхом быть хуже, чем кто-то, страхом быть нищим, страхом быть не востребоваанным и забытым, страхом быть раскритикованным и преданным суду чужих суждений, страхом быть непризнанным...

Так вот, Геннадий Васильевич умело пытается задеть человеческие струны, включив свет в их сердцах и обнажив их страхи. Другой вопрос, что далеко не каждый человек способен взглянуть этим страхам в лицо. В картинах Геннадия Васильевича вы не увидите множества ярких красок, которые напыщенно льются отовсюду весенним днем на Андреевском спуске, вы не заметите там красоты или эстетики, там есть место лишь правде. Ибо победить свои страхи можно, лишь взглянув правде в глаза.

И мне кажется, что те люди, которые покупают его картины, становятся на шаг ближе к себе настоящим.

Худое и костлявое тело обнаженной женщины, вытянутой в длину, на фоне серо-зелёных клубов дыма сигарет, что затушенными бычками валяются у ее ног, кажется зрителю сперва отталкивающим. Кожа с виду молодой женщины – дряблая и сухая. Усталость – то ли от жизни, то ли от банального недосыпания – выдают синие круги под закрытыми глазами. Создаётся впечатление, что она наполовину мертва, но все еще наполовину жива. И только стороннему наблюдателю остается домыслить картину до конца.

Как по мне, мысль здесь одна. Мы прожигаем нашу жизнь, не ведая зачем. Мы пребываем в полудреме, растрчивая свой физический потенциал и интеллект на сомнительные радости, которые рано или поздно приведут к смерти.

Поздоровавшись с Геннадием Васильевичем и перекинувшись несколькими словами о погоде, которая собиралась, видимо, на дождь, я достал из кармана пачку Lucky Strike и закурил.

– Володь, а ты ведь не исправим, – подметил старик.

– Нет, Геннадий Васильевич, просто моя жизнь уже давно потеряла всякий смысл.

– Хочешь, чтобы я нарисовал тебя вместо этой девушки с сигаретой? – с ухмылкой продолжал он.

– Нет, думаю, зрителям больше по вкусу все же придется обнажённое тело этой особы, нежели мое, – произнес я, бросая взгляд вдаль, на кучку старшеклассников, возвращающихся домой.

– Так ты бы бросил курить, занялся собой и обрел бы цели... Ты ведь здоровый, не старый и не глупый мужик, у тебя еще полжизни впереди, а ты так рано отрекся от всего.

– Нет, я не отрекся... Я просто уже давно перестал жить. Жизнь без нее – жизнь без себя...

Старик, похлопав меня по плечу, словно дал знать, что он полностью меня понимает, пусть и видит призрачный выход из этого состояния. Ему-то тоже довелось проститься со своей любимой. Но куда болезненней было прощанье с детьми...

Он имел все: успешную должность, красавицу жену, великолепных деток, уважение коллег, материальный достаток, популярность среди женщин (которой, впрочем, ему и не нужно было, так как он искренне и безудержно любил лишь одну – мать своих детей). Но в одно мгновение, словно рухнувшие небеса, его привычная жизнь обвалилась и уже никогда больше не стала такой, как прежде...

Холодным декабрьским вечером за окном зажиточного дома главы райкома на крыльцо стаей падал зимний снег. За белым пеплом скрывались очертания соседских домов и деревьев,

а в двух окнах гостиной зажегся свет. Жена Геннадия Васильевича подошла к звящему телефону.

– Алло. Я вас слушаю, – произнесла стройная и ухоженная супруга большого, по местным меркам, человека.

Сухой голос без лишней интонации проговорил что-то в трубку и, не дождавсь ее ответа, скрылся за частыми короткими гудками телефона.

– Кто это был? – войдя в комнату, спросил Геннадий.

– Она хочет нас всех видеть, – медленно, словно из последних сил, произнесла женщина, бледность которой не смогла бы сейчас скрыть даже импортная косметика.

– Дети, собирайтесь, мы едем к бабушке! – голос отца настиг играющих в другой комнате детей. Они аккуратно собрали свои игрушки в огромную железную коробку из-под песочного печенья.

– Ей стало хуже?

– Врач сказал, что она умирает, – потупившись в пол, произнесла жена.

Он подошел к ней и, присев на край кресла, обнял, отдавая свое тепло оледеневшим рукам любимой.

Эльвира не знала материнской любви в детстве. Она всегда думала, что по-настоящему ее любили только родной отец, который скончался очень рано, видимо, не выдержав стержневого характера своей супруги, и Геннадий.

Потеряв отца, она так и не смогла наладить отношения с матерью, которая всегда была слишком требовательна к ней, никогда не разделяла ее взглядов и только одним своим взглядом осуждала Эльвиру, не пряча презрения.

Даже сейчас, несмотря на все эти трудности и напряженные отношения, Эльвира чувствовала, что теряет родного человека. Какой бы ни была мать, она всегда остается связанной со своим ребенком особыми нитями. И эти нити не оборвутся даже тогда, когда ее не станет в живых.

Эльвире следовало быть к этому готовой, ведь шел восьмой месяц госпитального лечения ее матери. Врачи давно хотели ее выписать и оставить помирать на руках у детей, дома, в семейном кругу. Только связи Геннадия Васильевича решили этот вопрос и убедили руководство оставить больную под присмотром людей в белых халатах. Да и оба супруга были едины в том, что детям не следует видеть, как их слабеющая бабушка умирает и при этом никто не может помочь.

Сашеньке было двенадцать, Марку – семь. Они были гордостью своих родителей. Отличники, красавцы, дети с образцовым поведением, которых ставили в пример в школе и которых друзья родителей, словно в шутку, выпивая за столом, называли будущим комсомола.

Геннадий собрал детей, надев на них зимние дубленки и сказав старшему сыну завязать шапку Марку. После он заглянул в гостиную, ожидая увидеть там собранную супругу, но Эльвира так и осталась сидеть в кресле.

– Дорогая? Нам стоит поспешить, если ты хочешь успеть с ней проститься.

Эльвира оторвала взгляд от одной точки, повернула голову к Геннадию и добавила:

– Ты прав.

Она поднялась и накинула в спешке с его рук норковую шубку, которой было лет так семь, но которая все еще оставалась гордостью и предметом зависти многих подруг в округе.

– Погоди. Может, нам не следует брать с собой детей... – неуверенно произнесла она, наблюдая, как дети застёгиваются в прихожей.

– Мама, мама... Что-то случилось с бабушкой? – подбежав и обняв ее за ноги, спросил десятилетний сын. Она погладила его по голове и лишь посмотрела на мужа.

Геннадий перевел взгляд от них на окно, где в сумерках все еще падал снег, и подумал, что зря он отпустил водителя на эти выходные.

– Милый, – обратилась Эльвира к сыну, – ты знаешь, как я тебя люблю?

– Конечно, мамочка.

Она поцеловала его сухими губами в лобик, крепко-крепко прижав к себе. В этот момент Сашенька обнял ее и брата за плечи.

– Я думаю, ничего не случится, если дети поедут с нами, – решил Геннадий. – Ведь это единственная бабушка, которую они знали.

Они сели в прогретую машину. Дети, словно все понимая без слов, хранили молчание на заднем сиденье авто, водя теплыми пальчиками по морозным окнам. Геннадий закрыл ворота гаража, и машина выехала со двора.

Их черная «Волга» мчалась по шоссе. Автомобильные дворники едва успевали вытирать снег со стекла. Эльвира едва успевала смахивать жемчужины слёз, сорвавшиеся с глаз. Он взял ее холодную руку в свою правую ладонь и гладил, успокаивая и не произнося ни слова.

Со снегом за окном проносились ее воспоминания о детстве и юности. Мгновения, где, несмотря ни на что, она дарила свою любовь женщине, которая родила ее на свет. Сколько слез она пролила тогда из-за матери и ее хладнокровия, и даже сейчас мать заставляет ее плакать. Странно, но как-то все старые обиды в сердце Эльвиры исчезли. Теперь она готова была отдать многое, чтобы ее мать осталась с ними. Чтобы вместе, всей семьей они могли снова собраться за новогодним столом. Вместе гордиться внуками. Вместе готовить кушать и ждать тестя домой. Чтобы вместе слушать сплетни о своей семье от парикмахерши в салоне. Вместе бурчать друг на друга без повода и с.

Резким движением он отбросил ее руку. Громкий крик сорвался с ее уст. Снег с разбитыми кристаллами стекла ворвался в салон авто. Перед глазами встала мама, обняла ее теплыми руками и позвала за собой...

Крик людей... Сигналы скорой помощи... Чьи-то слезы и стоны навзрыд уже не могли разбудить двух мальчишек, тела которых сковало черное железо, укрывающееся белым пеплом декабрьского снега.

В ту ночь он потерял больше чем все, он потерял людей, ради которых жил. Водителя грузовика, выехавшего на встречную, привлекли к ответственности, но это не вернуло Геннадью Васильевичу семью. Врачи не спасли Эльвиру, а дети погибли на месте катастрофы. Богом спасен, он остался сам для себя.

Вот уже много лет он рисует словно не в себе. Человек без таланта заплатил за него огромнейшую цену. Возможно, он был послан ему, чтобы донести людям нечто большее в этом множестве картин... То, что нужно ценить и дорожить каждым мгновением своей жизни, ведь этой же жизни иногда свойственно так внезапно обрываться.

Глава II

Говорят, чтобы осознать, как малы твои беды, иногда следует взглянуть на человека, кому жизнь преподала не менее суровые уроки. Видимо, этот трюк далеко не со всеми работает. Вот так мы и стоим, продаем свои картины по соседству, я и Геннадий Васильевич.

Потушив докуренную сигарету, я расставил картины привычным мне образом и посмотрел на свои старенькие часы марки Breitling. Да, это, наверное, последнее, что у меня осталось от прошлой жизни: две позолоченные стрелки, уверенно отмеряющие отрезки моей никчемной жизни. Уже была половина одиннадцатого утра, и потому я очень удивился, заметив группу школьников, глазеющих на картины моих коллег.

Школьная пора – это самое беззаботное время. Тебе практически ничего не мешает тыняться по городу во время уроков. Ты столь наивен и счастлив, что влюбленности становятся обычным делом для тебя. И пусть за одной идет другая, ты все равно уверенно твердишь, что

это на всю жизнь. Хотя сам ведь точно знаешь, что ничего ты в этом пока еще не смыслишь. Но всякий другой раз напускаешь на себя вид измотанного сердечными историями и практикой ловеласа.

Четыре симпатичных девушки и столько же веером тянувшихся за ними парней-старшеклассников подошли к моей раскладке. Я уверенно распознал, как в глазах парней появился некий интерес к выставленным картинам. И если до этого они хихикали, стебаясь над работами иных торговцев, тем самым выпендриваясь пред юными мордашками своих дам, то теперь просто умолкли. Две старшеклассницы повели носом, тихо прокомментировав мои работы друг другу на ухо, и потянули за руку остальных девушек. Спустя минуту компания двинулась прочь.

– Подумать только, и кто покупает эти пессимистические картины?!

– Ты права, на улице весна, время любить и радоваться...

– Да я и сам могу такое начертать!

– Дима, да ты свое имя не умеешь написать, не то что картину, – раздался удаляющийся хохот троих девчонок. И лишь их подруга, одна, застыла здесь, рассматривая «За три минуты до шторма».

– Вы сами их рисуете? – спросила русоволосая девочка.

– Да.

– Очень красиво.

В основном на подобные комментарии я отвечаю молчанием, но в этот раз добавил лишь тихое: «Спасибо».

– Вы могли бы научить меня?

– Научить чему? – с недоумением переспросил я.

– Мне нравится, как вы подбираете тон красок. Мне кажется, именно это придает вашим картинам чувственность и выразительность, делая их особенными.

По правде говоря, меня это вывело из себя. Я всегда знал, что мои картины не такие, как у других, и совершенно не из-за того, что там краски верно подобраны, а потому что за каждым рисунком прятались годы моей боли.

– Ступай на урок, – отрезал я, тем самым заставив девчужку перевести взгляд с картин на меня. Ее очень знакомые глаза, с зажигающимся светом двух маленьких огоньков, ошарашили меня.

– У нас сегодня больше нет уроков. Сможете ли вы обучить меня? Моя семья все оплатит, – со смесью дерзости и просьбы добавила она.

– Послушай сюда, я не учитель и никогда в них не нанимался. Я рисую для себя. И если тебе нравится то, что ты видишь, тогда просто приведи своих родителей и пусть они купят тебе эти картины, – нервно ответил я, не желая вести с ней разговор.

– Вы грубиян!

– Я? Пускай даже так. Мне безразлично, что обо мне скажет проходящая мимо старшеклассница.

На ее лице пронеслось некое раздражение, и лишь подоспевшая за ней подруга избавила меня от этого ребенка.

– Пойдем, хватит мяться здесь! Тебя все уже ждут! – потянула она за собой мою клиентку.

– Да, уже иду! Сейчас только попрощаюсь с дядечкой хамом.

– До свидания, дяденька хам. Надеюсь, вам удастся продать хотя бы одну свою картину.

В чем я очень-преочень сомневаюсь!

– Давай пока, – бросил я в ответ и достал из-под прилавка свеженький номер экономических известий, в котором каждый день читал о том, как моя любимая страна катиться ко дну, на всех парах, ко всем чертям.

Не обращая внимания ни на уходящих старшекласниц, ни на прохожих, я отвлекался только на очередную сигарету, чашку кофе и редкие вопросы покупателей о цене. Услышав стоимость, люди быстро исчезали или пытались научить меня чему-то своими пустыми замечаниями.

Обычно я пропускал мимо ушей чужие замечания, что это слишком дорого или не стоит тех денег. Нам решать, что чего стоит, и я уж точно знаю, в какую цену мои усилия.

– Мне иногда просто кажется, что ты совсем не хочешь, чтобы твои картины продались, – прервал мое чтение Геннадий Васильевич.

– Да нет. Я ведь просто жду клиентов, которые сумеют увидеть в этих кусках холста нечто большее, нежели удачное сочетание красок.

– Володя, ну если бы ты снизил цену хоть немножко, тогда у тебя от покупателей не было бы отбоя. А так, вот уже седьмой месяц кряду я не припомню, чтобы хоть кто-то купил твоё творение...

Я только промолчал в ответ.

– Вот каждый день ты приходишь, расставляешь все те же семь картин, а в конце дня все те же семь картин обратно упаковываешь в целлофан и идешь домой.

– Пусть... Так что, вы повелите мне демпинговать?! – немного раздраженно возразил я.

– Вова, – продолжил старик, – твои картины одни из самых дорогих на Спуске. Не думаю, что это ваше заумное экономическое слово «демпинг» – подходящий эпитет в данной ситуации.

– Геннадий Васильевич, а что если я здесь не ради денег?

– Что же, тогда я крепко пожму твою мужскую руку и скажу тебе ступать домой, оставив картины в какой-нибудь галерее. Однако мы оба прекрасно знаем, что деньги, сколь бы мало-важными они ни казались нашим душам, все равно играют весомую роль для наших тел.

«Да, этот пожилой мужчина как скажет что-то, так вот бери и в афоризмы записывай, – подумал я. – Возможно, он прав. Возможно, мне следовало приспустить цену. Но что будет после того, как я продам свои семь картин? Ведь он-то не знает, что я больше не пишу. В моей мастерской так и остался пылиться тот восьмой рассказ любви, замерший на холсте в длительном ожидании своего финала. Уже почти как год мне все не до него.

Поначалу это должно было быть пышное поле красных маков, где влюбленный я бежал за ней вдогонку. Но мне все никак не хватало мужества и музыки очертить образ Марины в восьмой раз.

Я не знаю, что со мной. Раньше не могло и часа пройти, чтобы я не подумал о ней. Все мои работы – это ее воплощения и мои переживания о ней. А сейчас я словно оступел. Чувства мои есть, боль все еще там, но вот желания взять в руки кисть пропало. Наверное, я не могу продать эти чертовы картины, потому что в глубине себя не смею распрощаться с ними. Возможно, время оставляет эти семь картин, чтобы сохранить ее в моей памяти. Нет... Зачем сохранять ее в памяти, если она навеки жива в моем сердце? Нет, бред!» – оборвал я себя на полумысли и стал прятать рисунки в чехлы.

На Андреевском спуске зажглись старинные фонари. Проведя глазами по отблеску искусственных светил на старинной брусчатке, я спускался вниз по улице. За моей спиной оставались все еще торгующие люди, целующиеся парочки, прогуливающиеся старушки, спешащие домой жены. Все те, у кого было для кого жить. Жить ради своих любимых и родных. Ради тех, кого не осталось у меня. У меня – одинокого художника, с осколками ранее любящего сердца.

«Вов, смотри сюда! – улыбочиво звала она меня, взбираясь со смехом на пьедестал столетнего фонаря. – Я без ума от тебя! Я без ума от тебя! Я без ума...» – я подбежал к ней и, обняв ее, спускался вниз к себе. Она смотрела в мои зеленые глаза и шепотом вторила: «Без ума, ты меня слышишь... Я без ума от тебя, родной».

«Я без ума от тебя, моя ты сумасшедшая», – и мы замирали в своей любви посреди спуска, а прохожие завистливо, но по-доброму смотрели на нас, приподнимая уголки своих губ.

Как я могу забыть это? Я ведь обещал ей, я обещал себе, что никто и никогда не сумеет отобрать ее у меня. Но как же я ошибался...

– Добрый вечер, Владимир, – поздоровались со мной две старушки у крыльца нашего пятиэтажного дома.

– Добрый вечер, как ваше здоровье, Галина Олеговна?

– Спасибо, дорогой, хорошо. Познакомься, это моя старая подруга Ольга Дмитриевна.

Она тоже знала твою маму.

– Очень приятно, – натянув улыбку, ответил я на искреннее «приятно» с ее стороны.

– А я помню тебя еще совсем маленьким, – продолжала разговор женщина лет шестидесяти. – Тебя родители привели однажды с собой на вокзал. Я тогда работала бухгалтером на центральной железнодорожной станции. Вы семьей как раз отправлялись на отдых в Крым.

– Так часто случается, наши детские воспоминания выталкивают воспоминания последующих лет. Мне жаль, но я вас совсем не припомню.

– Ничего страшного, я рада узнать, что ты вырос таким красивым и здоровым мужчиной.

– Спасибо вам на добром слове. Я, пожалуй, пойду, тяжелый день выдался, – попытался я увильнуть от продолжения знакомства.

– Ах да, Володя, пока ты еще здесь, – что-то вспомнив, прервала нас Галина Олеговна, – сегодня опять приходила сотрудница ЖЭКа. Ты так и не погасил долг за квартиру?

– Нет, все никак не соберу нужную сумму, – со стыдом перед новой знакомой ответил я.

– Она сказала, что там уже набежала серьезная пеня и просила меня передать тебе конверт, – старушка полезла в старомодную сумочку и, копаясь в упаковках лекарств и газетных вырезках, нашла тот самый белый конверт, в котором, вероятно, в который уже раз меня вызывают в суд по поводу оплаты долга. – Вот возьми, – и, бросив пристальный взгляд на упакованные картины, добавила: – Я вижу, ты опять несешь их домой...

– Да, все свое ношу с собой, – старушки улыбнулись, а я, забрав очередное послание ЖЭКа, попрощался с ними и поднялся на свой пятый этаж.

Как только я скрылся за дверью нашего подъезда, а мои шаги по идущей вверх лестнице прекратили доноситься, Галина Олеговна, обратно застегнув свою дамскую сумочку, с придыханием продолжила делиться с подругой последними сплетнями и историями микрорайона.

– Олечка, как мне его жаль. Такой был мальчик, превосходно воспитан своими любящими родителями, всегда с иголочки одет, изумительно галантен и общителен. Он был обласкан судьбой. Я вот уже почти сорок лет живу в этом доме и знала его мать с отцом более трех десятков лет. Как они им гордились! Да что они – все мы гордились этим мальчишкой. Он получил превосходное образование и к тридцати годам уже возглавил крупнейшую фирму. Как нынче модно называть – корпорацию. Володю уважали все в округе, от булочника до мэра города. Он часто мотался по границам и всегда был мишенью для женских взглядов и объятий.

– Что же произошло? Почему сейчас он не в состоянии оплатить даже жилище? – с придыханием перебила Галину Олеговну подруга.

– Ой, дорогуша, если мужчине плохо – виновата женщина, – Галина Олеговна с напушенным видом драматизма заново перевязала на шее свой маленький шелковый шарф и продолжила: – Только женщина может окрылить и погубить мужчину.

– Он влюбился?

– Еще как, деточка, еще как... – затянула компаньонка. – Он души в ней не чаял.

– Как ее звали? – с возбужденным интересом спросила Ольга Дмитриевна.

– Марина.

– Морская.

Не обращая внимания на уточнение приятельницы, Галина Олеговна с присущей ей эмоциональностью в голосе продолжила:

– Они были безумно красивой парой. Бывало, помотришь на них, аж глаз радуется. Я-то знаю, они часто приезжали сюда навестить его родителей, пока те еще были живы. Любили Марину как свою дочь. Она была чуток моложе его, но под стать этому мужчине. Красивые каштановые волосы, осиная талия, грациозная походка, манера речи... А какие у нее были живые глаза!.. Вот взглянешь в них и теряешь точку опоры. Безумно обворожительные. Ты знаешь, она напоминала мне меня в молодости, – на лице Галины Олеговны промелькнуло чувство собственного достоинства. Она бросила взгляд на подругу, которая уже полностью погрузилась в повествование, и продолжила: – Несколько лет они были вместе. И своей любовью добавляли красок этому дому и этой улице.

– Но что же случилось? – теряя терпение, перебила ее Ольга Дмитриевна.

– Олечка, не торопите меня! Так о чем это я? Ах да, любовь была, как в фильмах. Он ей и цветы дарил, и на руках носил, и машины дарил.

– Машины?!

– Да, я же упоминала, что он был очень успешным? – Галина Олеговна нагнулась к приятельнице и на ухо медленно протянула: – Богат, очень богат, – а выпрямившись, добавила: – Это был яркий пример самостоятельного и успешного мужчины!

– А она? Чем она занималась?

– А вот это, дорогушечка, секрет, – повела бровями старушка. – Несколько раз я расспрашивала его мамушку об этом, с Володи ведь самого ни слова не вытянешь о личной жизни, но и та увиливала от ответа, я же в меру своего аристократизма не могла напрашиваться. Ты ведь знаешь, я скромная женщина и не люблю лезть в чужие дела, – опять поправив свой шарф, словно ореол достоинства, заметила Галина Олеговна. – Но я знаю одно – это Марина научила его рисовать. Живопись ей безумно была по душе. Однажды она показала мне свой рисунок. И я буквально сразу разглядела в ней гений. Володя, помнится мне, даже открыл для нее картинную галерею на Софиевской площади.

– Какой мужчина! – восторгаясь, воскликнула собеседница.

– Да, мужчина – это тот, кто способен на поступки. А Владимир умел эти поступки свершать. Я припоминаю, что ради нее он даже отказался от своей карьеры и бизнеса.

Ольга Дмитриевна, не веря своим ушам, только удивленно качала головой.

– Я, конечно, не знаю, насколько это так или нет, но мне известно наверняка, что было время, когда они отправились жить в Южную Европу. Сколько тогда слез выплакала мне его мама, предвидя расставание с детьми. А я ее утешала. Успокаивала. Говорила, что все только к лучшему. А сама про себя думала, что, когда мы любим, мы все совершаем безрассудные поступки. Ведь, согласитесь, влюбленный человек – безумный человек.

– Ах, как бы я хотела, чтобы моей внучке попался такой жених, – мечтательно добавила Ольга Дмитриевна.

– Не спеши желать чьей-то жизни для себя, ты ведь не знаешь, что находится за ее фасадом.

– Что же случилось с этим успешным мужчиной? Почему сейчас он не способен расплатиться даже с ЖЭКом? – отвлекшись от своей мечтательности, обратилась к Галине Олеговне подруга. – Как человек, который не знал недостатка ни в чем, опустился до подобной жизни? Ты ведь видела его? Несмотря на высокий рост и красивые черты лица, его кожа посерела и появились мешки под глазами.

– Когда он расстался с любовью...

– Она ушла от него? – с недоумением переспросила Ольга Дмитриевна.

– Можно сказать и так, – Галина Олеговна посмотрела на светящиеся окна его квартиры и тихо вздохнула. – Ты знаешь, дорогая, вечера все еще холодные, а я слишком легко одета, к тому же уже позднее время, нам следует с тобою проститься.

– погоди, расскажи мне, что произошло? Она его бросила?

– Я не знаю. Знаю лишь то, что он здесь, один. И так вот уже который год.

Поднявшись со скамейки, Галина Олеговна взяла в руку сумочку, поправила шарфик и обняла подругу.

– Я бы с радостью пригласила тебя на чай к себе, но...

– Не стоит волнений, – перебила ее собеседница, – мне тоже столько всего нужно сделать к приходу мужа. Пообещай, что мы как-нибудь обязательно вернемся к этому рассказу, – и, увидев обещающий взгляд, с благодарностью продолжила: – Я была очень рада тебя видеть. Знать, что в своем уважаемом возрасте ты полна сил и здоровья, даже год спустя, как твой любящий муж покинул нас.

– Я тебе очень благодарна за поддержку, – подруги обменялись поцелуями в щеки, словно молодые кокетки, и распрощались.

«И зачем только я вздумала развязать свой глупый язык с человеком, который никогда не знал вкуса одиночества», – подумала про себя Галина Олеговна, маленькими и неспешными шажками возвращаясь к себе домой.

Я расставил свои семь картин на места, где они ночевали каждую ночь, а сам разместился в кресле у камина.

Подолгу вглядываясь в желтое пламя, в то, как оно поглощало сухие куски дерева и маленькими взрывами изгоняло из него воздух. Я провожал еще один вечер из жизни моей. Я возвращал тепло ласковых рук Марины, греясь у огня. Я видел, как она сидит у меня на коленях, как кладет голову мне на плечи, а своими маленькими пальчиками теревит верхнюю пуговицу моей одежды, делясь со мной мечтами и переживаниями. И пока в камине догорают огни, я провожу свое время с ней – женщиной, которую люблю. Люблю, как прежде. Люблю, как обещал любить. Крепко и навсегда. Ее одну, мою Марину.

Глава III

В квартире было весьма прохладно. От вчерашнего огня в камине осталась лишь горстка пепла. А я так и проспал всю ночь одетым в уютном кресле. Я глянул на свои часы и встре- пынулся, было одиннадцать утра. Мне следовало поторопиться, если я не хотел упустить оче- редной день торговли. Полностью уверовав в то, что и сегодня их никто не купит, я все же позавтракал и, собрав свою ношу, понесся на Андреевский спуск.

– Добрый день, Владимир.

– Здравствуйте, – отставив кофе в сторону, ответил я женщине, которая так пристально смотрела на мои работы. – Хотите купить? У нас сегодня акция, – унеслись с моего языка две дурацкие строчки.

– Акция говорите? И по чем?

– Какая вам больше всех понравилась?

– Да любая, – безразлично ответила она, сверля меня карими глазами.

– Так, стоп, а откуда вам известно мое имя? Я не припомню вас среди моих постоянных клиентов.

– Постоянных клиентов? – женщина расхохоталась, заставив меня достать сигарету. – Да у вас их уже как полгода нет, и вряд ли найдется хоть один человек в округе, кто согласится выложить свои деньги за вашу мурню. Меня зовут Шлепка Виктория Александровна. Я глава ЖЭКа, а вы, велико уважаемый, возглавляете наш список самых ярых неплательщиков. Вас,

видимо, уже не беспокоит, что мы отключили отопление и телефонную линию в ваших апартаментах за неуплату? Что ж, нашим следующим шагом будет электричество и вода.

– Пойдите, – перебил я заведенную женщину, – даже в силу технологических процессов вы не сможете этого сделать.

– Поверьте мне, для меня нет ничего невозможного! – прокричала она.

– Нет, вы ошибаетесь. Видимо, есть одно нелегкое дело для вас, – улыбнулся я.

– Какое же это дело? – спросила мадам Шлепко.

– Вам все никак не удаётся склонить меня к оплате долга, ведь так?

Она достала какой-то документ и швырнула его на раскладку моих картин, добавив:

– Это судебный иск. И знайте, что я больше не намерена ждать, пока ваши картинки кто-нибудь купит. Ищите деньги и приходите в суд уже с ними. Вы дорого заплатите за мои нервы! И за время, которое я вынуждена на вас тратить!

Она с раздражением вздрогнула плечами и, развернувшись, думала было уходить, как ее догнало мое унылое:

– У меня для вас денег нет!

– Что ж, тогда нам придётся отнять у вас вашу запустелую и наверняка прогнившую обитель.

– Вы задумали выгнать меня на улицу из моего собственного дома! – меня переполняла злость, тремя шагами я оказался напротив нее, глядя прямо в суровые глаза.

– Владимир, если вы не можете заработать на своих мазках, может, стоит задуматься о рисовании карикатур и шаржей?! – с ухмылкой заметила она.

– Тогда моя первая карикатура будет с вашего перекошенного лица, Виктория!

– До встречи в суде! – она развернулась и оставила меня посреди улицы с повесткой в суд и с осуждающими взглядами моих коллег и прохожих, которые со стороны наблюдали весь этот цирк.

За семью сигаретами прошел этот день. И в чем-то женщина из ЖЭКа, возможно, была права: и сегодня я не продал ни одной картины. Может, мои рисунки и вправду никчемны? Ведь я не мечтал быть художником. Ведь я не учился этому. Я просто рисовал то, что чувствовал... Но видимо, этих чувств недостаточно, чтобы картины были распроданы. Ничего, нарисую еще десяток. Если мне нужны эти деньги, я могу позволить себе нарисовать банальное поле маков или купола Андреевской церкви на фоне весеннего неба. Это ведь проще простого.

Я собрал свои картины и поплелся домой. Возможно, вам знакомо настроение человека, который решил отказаться от своих принципов. Вернее, он просто решил немного, лишь на краткий срок, отступить от них. Сменить картину восприятия. И ради чего? Конечно, ради денег. Деньги – это то, ради чего многим наплевать на свои принципы и взгляды.

Проходя мимо лавочек у своего подъезда, я уже на автомате поздоровался с Галиной Олеговной, которая на этот раз в полном одиночестве наслаждалась свежим воздухом все еще прохладного весеннего вечера.

– Дорогой, сегодня к нам приходила глава нашего ЖЭКа, очень уважаемая особа, зовут ее Виктория...

– Ах, значит, это вы подсказали ей, где можно меня найти, – перебил я недослушав.

– Да, прости, если это вызвало некие трудности для тебя.

Я было думал взвинтиться и отругать старушку за слишком уж длинный язык, но вовремя остановил себя, проявив терпимость и уважение к ее годам.

– Она сказала, что если хотя бы один из жильцов просрочивает оплату за коммунальные услуги на энную сумму, это дает ей право поднимать вопрос об отключении всего дома от услуг. Прошу, пожалей нас, здесь ведь живет много пожилых людей. И мне даже страшно подумать, какие болячки могут нас застать на старости лет, если в квартирах будет холодно. Это же мгновенно появится грибок на стенах и прочая гадость, – продолжала драматизировать

старая женщина. – А главное, Володь, я бы так не хотела, чтобы некоторые жильцы порочили твое доброе имя и память твоих родителей.

С грустным видом она поправила шелковый шарфик, окутывающий ее шею голубым цветом.

– Конечно. Я приму ряд действий. Не стоит беспокоиться, Галина Олеговна.

Я подошел к ней, оставив картины рядом на скамейке, обнял и поблагодарил за поддержку. Женщина сразу воспряла, лицо грусти сменилось лицом понимания.

– Я бы с удовольствием помогла тебе. Но моей пенсии едва хватает мне на лекарства. Да и мои дети не так уж хорошо зарабатывают.

– Нет, что вы, я бы ни в коем случае не обратился к вам за деньгами.

– Но знай, Владимир, пусть у меня нет денег, но ты всегда можешь ко мне обратиться за советом.

– Конечно.

Я стал было собирать свои картины, но женщина попросила меня провести ее домой, так как на холодном воздухе она легко может простудиться. Словно еще раз подчеркивая, что она никак не переживет отключение дома от услуг ЖЭКа.

Я взял ее под руку, и мы мало-помалу, короткими шажками проследовали в подъезд.

Поднявшись к себе домой и состряпав на скорую руку ужин, я заварил себе кофе и набрался решимости рисовать попсовые картины. Вошел в холодную мастерскую и, надев свой старенький, потертый и испачканный красками свитер, принялся за работу над новым холстом.

Семь часов я провозился с этими «Маками», а потом, не в силах больше удерживать себя ото сна, рухнул на кровать. Утро вечера мудренее.

Только к полудню я открыл глаза. Приведя себя в порядок и позавтракав, достал свою первую на сегодня сигарету, глянул на солнечный день за окном и, подумав о том, что хорошо было бы бросить курить, наполнил легкие никотином. Людям свойственно быть зависимыми, так пусть лучше я буду зависим от сигарет, нежели от других пороков современности. Войдя в мастерскую, я взглянул на вчерашнее ночное творение, и меня едва не вырвало. «Неужели истинный мужик может нарисовать этот бред? – задался я вопросом и тут же получил ответ: – Деньги творят чудеса». Картина была лишь наполовину готова, и потребовалось бы еще немало стараний, чтобы довести ее до ума. Я налил чистую воду для щеток и вышел на кухню за кофе.

Как же это смешно, мы все осуждаем кого-то, зарекаемся, что никак и никогда, а приходит все же момент и все наши прежние расчерки мышлений летят чертям под хвост. Особенно, когда появляется нужда в «зелененьких», ну или какого они там цвета в нашей стране.

Вот мазок за мазком – я рисую, смешиваю краски, меняю тона, играю со светом, и все ради того, чтобы выжить. Ведь сейчас у меня ноль эмоций. Вы спросите, нравится ли мне то, что я делаю? Совершенно нет. Это механические движения, за которыми нет ни идеи, ни энергетика. Вернее, одна есть – энергия денег. Ведь мне так, черт побери, нужны ваши денежки, покупатели! Я остановился, моя рука устала выводить цвета. Мне надоело смотреть на эту тупость и осознавать, что ее сотворил я. Как раз время закурить. Я вытаскиваю очередную Lucky Strike и, наполняя свой мозг никотином, а комнату дымом, переносу картину с мольберта на стол.

«Ничего, Вова, еще чуток и я продам это дерьмецо, и просто об этом забуду, – подумал я и, держа в зубах сигарету, продолжил рисовать. – Что бы мне сейчас сказала Марина?».

Мои зубы сжались в улыбку и потянули за собой кожу лица, а в голову ворвались воспоминания.

– Милый, ты опять предаешь свою сущность за доллар... – вспомнился мне ее образ. – Хочешь рисовать – рисуй, хочешь петь – пой, сходить с ума – сходи... Только по-настоящему,

на все сто, нет – двести процентов. Наша жизнь ведь так коротка, чтобы тратить ее на зарабатывание бумаги.

– Ты права, милая. Но эта самая бумага в итоге может принести тебе море радости.

– Бумага – нет. Деньги ничто по сравнению с процессом их заработка. И если тебе приносит радость сам процесс, тогда ты уверенно можешь сказать, что это твое дело. А так, сам подумай: как будет лечить врач, если он терпеть не может слушать жалобы? Как раскроет очередное убийство следователь, если ему противен вид крови? Как тебя спасет твой телохранитель, мечтающий быть актером в театре? Понимаешь?

– Понимаю, но все же...

Она обрывала мои фразы. И я уже не смел ей перечить. Я только хотел обнимать ее. Владеть ее мгновениями и делать нас еще чуточку счастливее.

Я остановился. Моя сигарета догорела. Упаковка оказалась пустой, и даже запасная пачка сигарет в столе на кухне сегодня подвела меня. Не люблю, когда мне приходится идти в магазин за сигаретами. «А почему бы мне не бросить курить прямо сегодня?» И вправду, это было бы очень здорово, ведь раньше я обходился без них. Я сбросил с себя только что надетое пальто и вернулся к холсту. Где-то час провозился с той же картиной, но результат мне был все еще противен. Это полотно стало меня раздражать. Не столь даже само полотно, а сколь мысли о том, что я нуждаюсь в деньгах. Человек, который мог себе купить все что угодно в этой стране, сейчас калякает что-то, чтобы заработать гроши на хлеб! Неужели таков был мой выбор пять лет назад? Неужели так я видел свободу? Неужели этим я хотел заниматься?!

Я бросил кисточки и пошел в ванную умыться. Холодная вода смыла выступившие капли пота на лбу. Я поднял голову и взглянул на свое отражение. Передо мной стоял все тот же человек, которого я так не рад был встречать по утрам. Со времен прежнего беззаботного и окрыленного мужчины не осталось ровным счетом ничего. Куда подевался мой успех? Мой недостаток? Моя жажда к жизни?

Да, видимо, все это ушло следом за ней.

С полным раздражением я схватил пальто и спустился вниз за сигаретами.

Этот день был пропитан весной. Птицы возвращались домой с южных берегов. Солнце топило остатки снега на земле. Люди открыто улыбались. Даже вечно хмурая продавщица сигарет в киоске мне пожелала хорошего дня. На обратном пути я закурил очередную сигарету, решив, что брошу курить как-то в другой день.

– Добрый день, Галина Олеговна, – у подъезда я застал медленно шлепающую соседку, несущую в руках батон.

Пожилая женщина обернулась и расплылась в улыбке. Хотела было поправить свой новенький салатный шарфик, но одна из рук была занята.

– Здравствуй дорогой, как примечательно, что я тебя встретила. У меня к тебе просьба, – она взялась за мою руку. – Одна моя старая хорошая знакомая ищет своей внучке учителя по рисованию. Вот я и сразу вспомнила о тебе. Что думаешь? – поинтересовалась она.

– Ну ведь, Галина Олеговна, я же не учитель.

– Да, возможно, ты не учитель, но зато художник.

– Художник, чьи картины никто не покупает, – поправил я.

– Обязательно кто-нибудь их купит, а пока что это отличный шанс для тебя подзаработать и оказать мне услугу.

Понимая, что перечить этой женщине себе дороже, я пообещал, что подумаю.

– Обязательно подумай. Это довольно состоятельная семья. С бабушкой этой ученицы мы весьма хорошо знакомы, тебе не составит труда обучить неким приемам малышку.

– Малышку? – насторожился я. – Сколько ей лет?

– Сколько лет, сколько лет – какая разница?! Она платит, ты ее учишь, вот это главное.

– У меня совершенно нет опыта работы с детьми! – категорично заявил я.

– Вот, как раз и получишь свой опыт! Подержи мой батон, – Галина Олеговна сунула мне в руки булку, – нужно найти ключи в сумке... здесь всегда такой бардак... – она начала рыться в своей сумочке, а я понял, что за эти дни у меня передоз от общения с ней. – Все. Нашла. Ну что же, обязательно скажи мне сегодня свой ответ, будет жаль, если этот шанс достанется кому-то другому.

– Хорошо, – пообещал я и поднялся к себе.

Подойдя к своей новой картине, я еще раз скривился. Нет, рисунок не был дурным, просто он был пустым. Возможно, кто-то бы нашел в нем что-то свое, но я в нем находил лишь отращение к себе. Я ведь обещал Марине, что больше никогда не стану узником денег.

Я бросил взгляд на конверт с вызовом в суд, думал было уже протестовать, отказаться и вовсе не платить. Но потом до меня дошло, что идея Галины Олеговны очерчивает выход из сложившейся ситуации. Это быстрые деньги. Если девочка совсем еще юная, это значит, что она не так уж много ведает об искусстве и я смогу ей быстро передать базу.

Метеором спустился на первый этаж, позвонил в квартиру номер три и пообещал старушке, что возьмусь за это дело.

– Как я рада! – всплеснула руками та. – Это замечательно! Сейчас же позвоню ее бабушке и скажу, что с моей помощью внученька получит самого талантливого художника города!

Я захлопнул двери в свое жилище, а сквозняки открыли двери на балкон. Я развел небольшой огонь в камине, а затем вышел на балкон... я ощущал облегчение.

Я любовался видом на Андреевский спуск и Днепр. Могучая река почти избавилась от глыб льда, сковывающего ее берега. Весна – это время, когда нужно отбросить все, что сковывало тебя до сих пор. Увы, это не так легко.

Я стоял и просто наслаждался солнцем. Оно слепило глаза, а закрывая их, я видел женщину, по которой до сих пор невероятно тоскую.

– Ты думаешь, мы никогда не расстанемся? – спросила она.

– Я знаю, что нет...

– А если я уйду?

– Куда уйдешь?

– Вот просто возьму и исчезну... Тогда, что тогда ты будешь делать?

– Я найду тебя.

– А если не найдешь?

– Тогда я заставлю тебя искать меня.

– Как? – озадаченно спросила она с нежной улыбкой на личике.

– Просто исчезнув, однажды ты вспомнишь мою любовь к тебе и поймешь, что так тебя никто и никогда не любил.

– Вов, – на секунду замолчала она, – я так рада, что ты у меня есть.

– Значит, ты никуда уходить не будешь? – дурачась спросил я.

– Нет, глупыш, – она своим маленьким кулачком толкнула меня в руку. – И ты не смей уходить.

– А если все-таки возьму и уйду?

– Тогда я останусь навсегда одна.

– И не станешь искать мне замену? – задевал я.

– Нет.

– Почему?

– Потому что ты навсегда в моем сердце. И даже если тебя не станет, я не посмею отдать это место кому-то другому. Я не посмею касаться чужих губ, называть ласковыми именами чужого мужчину. Я не позволю никому больше прикасаться ко мне. А оставаясь прохладными

вечерами наедине с собой, я буду вспоминать, как ты заменял мне весь мир. Да что там мир! Всю Вселенную.

– Все, прекращай, – оборвал я ее, мне стало не по себе от мысли, что мы можем расстаться, – мы с тобой всегда будем друг у друга, что бы ни случилось, что бы ни произошло.

Я поцеловал ее в щеку и, обняв за талию, стал позади нее.

– Видишь, вот там Днепр находит свою затоку, – я протянул свою руку к югу.

С родительского балкона открывался чудесный вид на Андреевский спуск и на весенний Днепр.

«Один и тот же вид, но такие разные ощущения, – подумал я, стоя в полном одиночестве на залитом солнцем балконе. – Я не верил, а ты все же ушла... И знала бы ты, Марина, как мне безразлична вся эта Вселенная без тебя. Без тебя...»

С моих губ слетела пара фраз и небрежный ветер унес их за угол дома, а дальше, наверное, на край земли, туда, где кончается мир и начинается целая Вселенная.

Глава IV

Я просыпался и гладил ее каштановые волосы, покрывал поцелуями плечи, исследовал руками изгибы ее спящего тела, пока она спросонья не открывала глаза и не одаривала меня нежностью своего взгляда. Нас накрывала волна наслаждения, мы пряталась в простынях. Я входил в нее, глядя прямо в глаза. Она тянулась ко мне и спускалась обратно вниз. Своими руками я держал ее, наслаждаясь движениями наших тел, касаниями наших душ. Она вскрикивала мое имя от оргазма, а через мгновение от страха.

Мы были в темной воде. Она шла ко дну, теряя воздух. Я пытался нырнуть глубже, к ней, но что-то мне не давало. Марина протягивала ко мне руки, но как ни пытался, я не мог настичь ее. Она кричала, я не слышал что. Вода заполняла ее легкие. Она уходила все дальше, растворяясь во мгле. Вода не пускала меня к ней, словно что-то держало на расстоянии. Чувство, когда твое тело не слушает твои мысли. Ее почти не было видно. Я набирал полные легкие морской воды, надеясь уйти за ней. Что-то вытолкнуло меня на поверхность. Задыхаясь, я широко распахнул глаза.

Это был еще один кошмар. Я успокаивал свое сердцебиение. А в голове прокручивались кадры моего сна. Я откидывался назад на простыне своей холодной кровати. Руками гладил пространство по сторонам от себя. Там не было ее. Там больше никогда не будет женщины, которую люблю.

Я закрывал глаза и возвращался к ней.

– Это всего лишь сон, – Марина гладила меня по голове, словно мама испуганного ребенка. – Плохой сон.

– Ты уходила от меня, – я обнимал ее все сильнее.

– Я всегда здесь. Я всегда с тобой, – шептал мне родной голос.

– Всегда со мной, – проговорил я сквозь сон.

Глава V

На кухне был полный хаос. Я давно уже не готовил что-то серьезное для себя. Обычно обходился овсяной кашей с орехами и фруктами на завтрак, иногда заменял ее омлетом с сосисками – в общем, тем, что занимает минимум времени для приготовления. Обед – это бесшумные сэндвичи с кофе. А за ужином довольствовался заказной едой. Я обожал итальянскую пиццу и китайскую лапшу. Конечно, ее доставляли не из Италии или Китая, но по купонной цене – это казалось шикарным ужином холостяка.

Сейчас я готовил отбивные к жареному картофелю. Из головы все никак не выходил сон вчерашней ночи. А за окном термометр поднялся до семнадцати градусов тепла, и это в марте.

«Хотелось бы чего-то выпить», – пришло мне на ум, и я полез в бар.

– Да, не густо... – бутылка дорогого рома, валявшаяся там лет семь, и дешевенькое вино. Еще не было обеда, потому ром я оставил там еще на годик-полтора, а сам взялся откупоривать вино.

Отбивные начали гореть, и в этот момент, словно на зло, в дверь кто-то позвонил.

– Сейчас открою! – я мигом отдер куски мяса от сковороды и переместил их на тарелку. Вытер руки и пошел открывать незванным гостям.

– Добрый день. Меня зовут Валерия. Друзья называют меня Валери, – протянула мне руку улыбаясь девушка, – вы мой новый учитель рисования.

Это была красивая девушка, которая пару дней назад назвала меня хамом.

– Возможно, вы пригласите меня войти? – она опустила свою руку, не дождавшись пожатия от меня.

– Да, конечно, – я отступил в сторону, приглашая свою ученицу войти.

– Хам? – с улыбкой переспросил я.

– Похоже на то, – Валери кивнула, и мы оба рассмеялись.

– Честно говоря, я ждал тебя к трем, – пальцы моей руки потянулись к бровям.

– Меня просто папа подвозил, у него какие-то дела сегодня в центре. Мы живем не очень близко к Андреевскому, поэтому я упала ему на хвост. Но если я слишком рано, вы только скажите, – она медленно начала отходить обратно к дверям, – я могу прогуляться и вернуться через час.

– Нет, ну что ты, – попытался я исправить ситуацию. – Я как раз приготовил обед... если ты голодна, буду не против разделить его с кем-то.

– Ммм... – закрыв глаза и вдохнув запах еды, она добавила: – Давно я не ела горелого. Так и быть, составлю вам компанию.

Она рассмеялась и, не дожидаясь моей помощи, сбросила с себя пальто на кушетку и побежала на кухню.

– Нужна моя помощь?

– Нет. Все, что можно было спалить, я уже сжег, – мы оба рассмеялись. – Садись за стол. Я насыпал порцию ей и себе.

– О, это будет много для меня.

– Ничего, оставишь, если не понравится, – успокоил я ее.

– А вы так и не представились, – заметила девушка без всякого стеснения, глядя мне в глаза.

– Владимир.

– А по отчеству?

– Можешь со мною быть на «ты».

– Тогда и ты можешь быть со мною на «ты».

Таким образом она, наверное, хотела сказать, что я беспардонно с порога перешел на «ты» в своих обращениях к ней.

– Приятного аппетита! – пожелал я.

– И вам, – последовала короткая пауза, и Валери моментально исправилась, – и тебе.

– Будешь вино? – я привстал за бутылкой, которая стояла на столешнице позади меня, а потом до меня дошло: – Хотя тебе, наверное, еще нельзя.

Не поднимая глаз на девчонку, я стал наливать красное вино в чашку. Когда я закончил, меня смутило, что она смотрит прямо на меня, не говоря ни слова.

– Что-то не так? – мои глаза забегали по углам.

– Да, не так.

Валерия поднялась из-за стола, и я было уже подумал, что обидел ее, но она уверенно подошла к кухонным шкафчикам и, как будто зная, где находятся покрытые пылью фужеры, из которых я никогда не пью, достала один бокал. Затем, прополоснув его под стружкой холодной воды, подошла ко мне, поставила бокал на стол и самостоятельно налила себе вина.

– Мне уже семнадцать, и вино – это последнее, что в этом возрасте может навредить человеку.

Ей семнадцать. Она с такой гордостью это произнесла. Но ей же всего-то семнадцать лет.

– Что ж, за знакомство! – Валери поднесла свой бокал к моей чашке и хотела чокнуться, но я отодвинул стакан, сделал глоток, после чего добавил: – Извини, но я не чокаюсь.

– Почему? – удивилась она.

– Не привык.

Она сделала глоток и, усевшись за стол, принялась за еду.

Не знаю, что меня так обескуражило в ней, но я просто делал медленные глотки вина и смотрел на нее. «Неужели в этом возрасте все школьницы настолько раскованны?» – пронеслось в моей голове.

– Что-то не так? – заметила она мой взгляд.

– Да нет, все так.

Мы продолжили обедать. Чтобы не молчать, я решил задать ей пару вопросов:

– Как долго ты рисуешь?

– Два года. А вы? Прости, а ты?

– Около семи лет.

На ее лице промелькнуло удивление, но она не стала заморачиваться над числами.

– И чем ты рисуешь, Валери?

– Акварелью, маслом, пастелью.

– Занималась до этого с кем-то?

– Да, еще в детстве родители меня отдали в школу рисования. Мне очень нравилось. Потом я забросила, лишь спустя пять лет вернулась к этому хобби, которое может стать моим призванием.

– Ого! – покивал я. – Даже так?

– Да, если кто-нибудь у меня спросит, чем я хочу заниматься всю жизнь, я смело отвечу: «Рисовать».

– Интересное желание, – заметил я и принялся за следующий кусок мяса.

Словно не найдя во мне истинного понимания, она опустила взгляд к тарелке с картофелем и отбивной и, попробовав маленький кусочек мяса, похвалила меня: – А ты неплохо готовишь.

– Я в целом не готовлю.

– Оу, тогда мне очень повезло, раз ты решил в день знакомства с ученицей проявить себя с этой стороны. Я запомню это блюдо.

– Я готовил для себя.

Она прочувствовала нервность этих слов и сменила тему разговора на и вовсе провальную.

– Ты сам живешь здесь?

– Да, – быстро ответил я, забросил последний кусок мяса себе в рот и динамично стал его пережевывать.

– А почему? – наивно поинтересовалась девушка, наверное, даже не осознавая, что этими вопросами сыпет мне соль на рану.

– Валери, это не твое дело, – я сложил свою вилку в тарелку и поднялся из-за стола. – Ты закончила?

– Да, – сменив ноты в голосе, ответила она.

Я положил посуду в раковину и думал было убрать за девчонкой, но заметил, что ее еда осталась практически не тронутой.

– Но ты ведь совсем не поела?!

– Я не голодна, – она отодвинула тарелку и сделала глоток вина.

– Ну что ж... – я отставил ее тарелку в сторону, взял свою чашку с вином и пригласил ученицу в мастерскую.

– Я могу взять бокал с собой?

– Можешь. Но я надеюсь, что ты не сопьешься на моих уроках.

Она снова улыбнулась и последовала за мной из кухни.

– Сколько часов в неделю ты хотела бы заниматься?

– Владимир, у меня в середине лета вступительный конкурс в академию искусств. Я намереваюсь к этому времени в разы улучшить свое мастерство и думаю, что для этого мне понадобится хотя бы одно занятие в неделю. Что скажешь?

Я проигнорировал ее вопрос и поинтересовался, принесла ли она образцы собственных работ. На что Валерия достала телефон и показала мне фотографии своих картин. Я был приятно удивлен. У этой семнадцатилетней девочки определенно был талант.

– Думаю, ты смогла бы пройти конкурс и без моей помощи.

– Нет, Вова, ты не знаешь, какой сильный отбор в эту академию. На одно место порядка ста претендентов, и все они рисуют не хуже.

– Что ж, тогда мы сделаем из тебя лучшего абитуриента! Каким образом будет проходить отбор?

– Там есть свои критерии, мы должны предоставить домашние работы, сделанные с натуры, после их оценки меня должны допустить к конкурсу, где я смогу показать все свои качества и технику рисования.

– Значит, упор будем делать на рисунке с натуры, – отметил я и закурил.

– Верно.

– Ты не против? – я показал на зажжённую сигарету.

– Нет, кури.

Валерия осмотрелась вокруг.

– Значит, это твоя мастерская?

– Да.

– А это твоя последняя работа? – она подошла к столу, на котором лежало полотно с синим небом и полем маков. – Так странно, эта картина совершенно не похожа на те, которые я видела вчера, на Спуске.

– Ты верно подметила. Нравится? – с подозрительным равнодушием спросил я ее.

Валери промолчала, а потом добавила:

– Она другая...

– Насколько другая? – я выпустил дым.

– В ней нет той глубины грусти, что я заметила в других твоих работах. Она более теплая, но в то же время поверхностная, если так можно сказать.

Я опять взял сигарету в зубы, подошел к девушке, развернул полотно и присмотрелся еще раз.

«А ведь она совершенно права».

– Я рисовал ее, чтобы заработать денег на оплату своих счетов.

– А как же остальные картины? Ты рисовал их не для заработка, верно?

– Нет.

В этот раз она не стала выпытывать подробности, видимо, все-таки вынесла уроки из предыдущего опыта общения со мной.

– И сколько же тебе нужно провести со мною часов, чтобы погасить счета?

– А сколько часов я смогу тебя вытерпеть?

Краешки ее губ опять смялись в улыбку.

Она была весьма приятной и раскрепощенной в общении, однако множество вопросов уже в первый день нашего знакомства меня то выводили из равновесия, то возрождали умение улыбаться. Я находил ее симпатичной и целеустремленной школьницей, не лишённой внимания родителей и, видимо, избалованной вниманием мальчишеских сердец. И это не странно, Валерия была красивой, стройной девушкой, с уже сформированной грудью и хорошей осанкой. Ее густые золотистые волосы обворожительно меняли свой цвет в зависимости от освещения.

Мы подошли к балкону, и она попросила у меня еще вина.

– А ты уверена, что сможешь после второго бокала держать кисточки в руке?

– Прекрати. Просто кто-то боится опьянеть быстрее, чем я, – она улыбнулась.

Я не боялся опьянеть. Однако вино с сигаретами меня уже немного расслабило. Я давно не пил алкоголь. Зима не предрасполагала. Для многих людей именно зима с ее новогодними праздниками становится периодом, когда градус в их крови поднимается, но только не для меня. Я практически не отмечаю праздники, что приходят в дом к нормальным людям.

– Окей, давай начинать.

Я убрал свою картину со стола и на секунду вышел из мастерской. Когда вернулся, то застал Валерию сидящей за столом и рассматривающей интерьер комнаты.

– Что это?

– Яблоко, сейчас мы посоревнуемся с тобой в рисунке с натуры.

Нарисовать яблоко представляется элементарным трюком, который показывает базовые умения начинающих художников.

– Чем будем рисовать?

– Цветными карандашами, – я достал два листа белой бумаги и огрызки карандашей из тумбы. – Вот, держи. На раз, два, три время пойдет. На все про все – десять минут.

– Я готова, – заверила меня моя ученица.

– Три! – и я начал рисовать.

– Что? Уже?! А как же раз... два?... – она рассмеялась, но увидев, как быстро забегал мой карандаш по бумаге, тоже стала рисовать, просто добавив: – Жулик!

Я улыбнулся и сконцентрировался на линиях. Минуты через четыре яблоко было готово, оставалось лишь придать ему цветной объем, и я не торопясь стал дорисовывать и поглядывать за работой Валерии.

Она делала все верно, естественной формы контуры, ямочка сверху, основа снизу. Время теней. Я заметил, как Валери замешкалась, решая, где же разместить центр света на рисунке. Она поглядывала то на яблоко, то на лист, то на яблоко, то на лист.

– Что подсматриваешь, жулик?!

Я опять улыбнулся и вернулся к своему рисунку. Десять минут подходили к концу. Мое яблоко было уже завершено, и я наблюдал за тем, как заканчивает свое Валери.

– Время истекло!

Она отложила красный карандаш в сторону и пододвинула ко мне рисунок. Я оценивающе промолчал, глядя на ее творение. В нем были определены верные пропорции объекта, сделан конструктивный анализ формы, линии, штрихи и светотеневые отношения были хорошо скомбинированы.

– Молодец...

– Ты тоже, – ответила мне Валери, возвращая мой рисунок.

Я понял, что эта девушка находится не на начинающем уровне, и решил дать ей задачу посложнее. К яблоку я добавил ее бокал вина и низкую вазу с кисточками для рисования. Но чего-то не хватало. Я встал и зашторил окна, и дверь на балкон. Достал толстую свечу, зажег

ее и разместил позади бокала. Так, чтобы красное вино играло рубиновым цветом в хрустале, а свет свечи бросал тени на предметы.

Я смотрел на выражение лица Валерии и понимал, что она с легкостью примет этот вызов. Мне нужно было усложнить задачу. Я зажег сигарету и ее искрящуюся поместил в стеклянную, полную окурков пепельницу.

Валери достала бумагу из того же комода и, передав один лист мне, увлеченно стала рисовать.

Дым сигареты медленной струйкой поднимался вверх, обходя грани бокала и заигрывая с огнем свечи. Когда догорела одна сигарета, я сменил ее другой...

Мы старательно рисовали, запершись в темной комнате, посреди солнечной весны. Я должен признаться, впервые за последнее время мне понравилось это занятие. Я даже включил музыку, которая помогла мне полностью расслабиться и сосредоточиться на рисунке.

Когда он включил музыку, все вокруг неожиданно преобразилось. Темнота, запах сигаретного дыма, игра теней в бокале вина, музыка, уносящая ввысь, мужские жилистые руки в закатанных до локтя рукавах рубашки, черкающие изгибы и линии, его редкие вздохи, как отсчеты пауз, его поглядывания и моя робость завораживали и уносили меня к иным берегам.

Сейчас я не смела даже взглянуть на него. Только натюрморт и бумага. Сказать, что я могла на этом сконцентрироваться, – совершенно нет.

Я пребывала в непривычной растерянности. Я, с едва знакомым мужчиной, который к тому же одинок и бывает иногда грубым в общении, в замкнутом пространстве. Я думала, что он станет до меня дотрагиваться. Но его отстраненность, даже отдаленность, на протяжении всего последующего часа или двух меня действительно поразили. Я поняла, что физически он здесь, но на самом деле где-то далеко, поглощённый единственным источником света и дымом вокруг него.

Мы закончили. Свет опустившегося солнца проник в комнату. Сигарета догорела. Свеча погасла.

Он взял мой рисунок, даже не взглянув на него. Уже через минуту он помог мне накинуть пальто и попрощался со мной до следующей встречи.

Я спускалась по лестнице словно завороченная. Что-то в этом мужчине было скрыто... И это что-то приводило меня в состояние смятения и необычайного любопытства. «Почему он один?» – это был лишь первый вопрос в череде иных, крутящихся в моей голове.

– Ну как прошло занятие? – спросил папочка.

– Хорошо.

Еще под впечатлением нового знакомства я села в черный «ауди» отца, и мы отправились домой.

Сигарета наполняла мои легкие дымом, в руке я держал рисунок этой талантливой девушки. Он был идеален. Такой же, какой станет ее жизнь. Их машина скрылась за углом дома, и я оставил недокуренную сигарету томиться в хрустальной пепельнице на балконном крыльце.

Глава VI

Сине-зелёное море, рождающее десятки волн, поднимающихся завихрёнными белыми гребнями и опускающихся вниз, накатистыми ударами боролось с серым творением человека. У начала этого пирса искали свою добычу три голодных чайки, не обращая внимания, как другие их подобию вздымаются ввысь к единственному лучу света. Птицы, летящие навстречу

солнцу, среди туч скованного грозного неба. Они еще не догадываются, что скоро разразится шторм и летать станет невыносимо.

На другом конце пирса пара влюбленных затаилась, шепча друг другу что-то в глаза. Мужчина в мокром от соленой воды твидовом пальто обнимает девушку с каштановыми развивающимися на ветру волосами. Сжимает в объятиях, словно чему-то предназначено вот-вот их рассоединить. Обнимает, будто в последний раз. В последний раз их глаза смотрят друг на друга, а губы роняют слова, растворяющиеся в вечности за три минуты до шторма.

– В какую цену эта картина? – заинтересовался мужчина средних лет в черном твидовом пальто. Его левая рука пряталась в кармане пальто, а в правой он держал черную шляпу, которой собственно и указывал на картину.

– Какая именно? – поспешил к нему я.

– С влюбленными на пирсе, – он нагнулся к ней поближе, словно пытаюсь узнать лица героев.

– «За три минуты до шторма...» – понял я и, пытаюсь успокоить вздымающуюся во мне бурю, добавил: – Она не продается.

Мужчина поглядел на меня своими черными глазами, большим и указательным пальцами левой руки поправил чёрно-серые усы сверху вниз, а затем вернулся взглядом к полотну.

– Я даю за нее десять тысяч.

– Вы не поняли, она не продаётся, – я попытался откашляться, чтобы унять дрожь в голосе.

– Нет, – он поглядел на меня через плечо, – это вы неправильно поняли. Я говорю о десяти тысячах долларов.

Я жжал края губ и стал вровень к нему, заглянув в лицо: кто же этот мужик, что готов заплатить за одну мою картину многомесячную выручку рядового художника? Он сперва ответил мне таким же взглядом, а после мы, словно по команде, повернулись к картине. Я не знаю, что он рассмотрел в этом сочетании красок и моих страданий. Мне не догадаться, почему и для кого он готов был выложить весьма приличную сумму. Я знал лишь одно – я не могу так просто с ней расстаться. В молчании я смотрел на картину и видел там только себя и свою возлюбленную на краю пропасти. Я переживал те же чувства, взывая о помощи к единственному и последнему лучу света, струящемуся с небес. Я вспоминал, как мы бессильны перед стихией, перед природой и небесами. Перед силами, что подглядывают за нами из-за туч и бросают нам жребий выбора.

– Картина не продается, – медленно ответил я.

– Тогда, что она здесь делает? – как спичка вспыхнул мужик и тут же погас, назвав новую сумму в двенадцать тысяч.

– Нет, – снова отказал я.

– Пятнадцать...

– Мне жаль.

Мужчина непонимающе смотрел на меня, по сторонам на других торговцев, на другие картины, потом снова на меня. Он не сдвинулся с места и хотел что-то сказать, но я сделал это первым:

– Возможно, вас заинтересуют другие мои картины?

– Вы их создатель?

– Да.

– Тогда, думаю, для вас не составит труда нарисовать что-то подобное еще раз. Я ценю ваши другие работы, но хочу приобрести только эту.

– Понимаю, – как будто провинившийся мальчишка я опустил глаза, – но не смогу.

– Что не сможете? – он нахмурил брови, пытаюсь расслышать мой тихий от сухости голос.

– Не смогу нарисовать еще одну такую...

– Вам мало, – я зря надеялся, что он прочувствовал всю важность этой картины для меня.

Мужчина качнул головой и продолжил торг. – Пятнадцать тысяч, – он заинтересованно провел пальцами по своей бороде, испытывая мои принципы.

– Увы...

– Да черт побери, сколько же вы хотите за этот кусок живописи?! – он вспыхнул от раздражения.

– Я не смогу продать ее ни вам, ни кому-либо другому, – мои глаза все еще были направлены в пол.

– Понимаете, художники такие странные люди, – вмешался в разговор Геннадий Васильевич, – рисуют картины для других, а избавляясь от них, словно избавляются от самих себя. И проблема иногда состоит в том, что не всегда они готовы проститься с частью себя, какой бы надоевшей она ни была.

Мужчина выслушал Геннадия Васильевича и собрал свою раздраженность в кулак.

– Что ж, я предложил справедливую цену за эту работу. Пятнадцать тысяч долларов США. Я более чем уверен, что половина из вас не видела в глаза таких денег!

Геннадий Васильевич обхватил его рукой за спину и проводил к своему стенду, тихо объясняя:

– Понимаете, Владимир – очень особый человек.

– Зачем мне это понимать? Если он здесь, значит ему есть что продать. Но к чему же тогда отказываться от столь щедрого предложения?

Геннадий Васильевич не стал во второй раз пытаться разъяснить клиенту, почему же он не может приобрести «За три минуты до шторма».

– Вот, взгляните на мои картины, думаю, вы высоко оцените их и найдете значимость и в моих трудах.

Но мужчина в черном твидовом пальто лишь кратким взглядом осмотрел картины Геннадия Васильевича и несколько секунд спустя произнес:

– Спасибо, но нет здесь того, что мне было бы интересно, – он опять оглянулся и крикнул в мою сторону: – Вы зря отказались от столь удачной сделки, – надел шляпу и медленно пошел прочь.

– Ты чудак, Вова, большой чудак, – Геннадий Васильевич похлопал меня по плечу, мотнув головой. – Тебе только что предложили не просто огромную сумму денег, от которой ты отказался, тебе предложили стать на шаг ближе к своей свободе. К свободе от мыслей, сковывающих и разрушающих тебя из середины. Эти мысли подобны тем, которые преследуют меня самого многие годы.

– Если вы говорите, что это похожие мысли, неужели вы приняли бы его предложение, будь на моем месте.

– Если бы мне было сорок лет – да. Ты еще в том возрасте, когда можешь впустить в свои дни полноценную жизнь и изменить образ бытия.

Я закурил и, не проронив ни слова, думал над всем вышесказанным.

– Наши мысли нас же и губят. А в твоем случае тебя губят еще и семь картин-воспоминаний, – добавил он.

Я молча пускал дым от сигарет.

– Ты скован своим прошлым, Вова. Ты разрушаешь себя. Послушай, – он встряхнул меня за плечи, – избавься от них, и станет легче жить. Ты еще так молод. Не иди этой дорогой. Я шел по ней. В конце тупик.

– Почему?

– Потому что однажды ты проснешься прекрасным весенним утром на старости лет и поймешь, что совершенно одинок. Поймешь, что когда твое безжизненное тело опустят в гро-

бовую яму, вокруг тебя никого не будет. Никто не всплакнет и не вздрогнет от твоего исчезновения. Твои друзья, на которых ты мог бы уповать, или сами уже уйдут на тот свет, или просто не придут с тобой проститься. С тобой умрут и воспоминания о любви. Ты слышишь? Все те воспоминания, всплывающие в твоём сердце, уйдут вместе с тобой. А что останется? – он спокойно продолжал свои рассуждения. – Я скажу тебе, что останется. Останется лишь семь твоих картин. Но если ты и их не сможешь отпустить, как и свои воспоминания, то ничего, кроме забвения, их не ждёт. Картины не могут жить без владельцев. Таящиеся на чердаках – они никому не будут нужны.

– И что мне делать?

– Продай их или выброси, – настоятельно посоветовал Геннадий Васильевич и отошел к своему стенду.

«Эта? Три тысячи гривен, – отвечал он на вопрос случайного покупателя. – Вам нравится? Да, конечно, сейчас упакую».

Поглядев на то, как он продает очередную картину, я просто собрал семь своих работ в чехлы и ушел. Мне нужно было подумать о произошедшем, о советах старца, о моих чувствах внутри, обо всем.

Дома я разжег камин, достал недопитую бутылку вина и наполнил бокал. О старое кресло оперлись мои семь картин, а на душе семь кошек скребли свои мелодии.

А ведь старик был прав: мне действительно не так просто расстаться с этими картинами. Они были нитью, что связывала меня с прошлым. Каждая из них хранила в себе глубину чувств, которые мы с Мариной испытывали в нашей любви. Некоторые мы даже вместе рисовали. Разве можно продать искренность и теплоту воспоминаний?

– Ты опять их испортишь! – шутя вскрикивал я, как только ее кисточка дотрагивалась до полотна красок.

– Прекрати, ничего я не испорчу, – возясь около мольберта с полной концентрацией на маленьком кусочке рисунка, говорила моя любимая. – Я просто немного хочу добавить теней на твою траву.

– Эй, это моя акварель. Значит, и тени мои! – я вскочил со стула и, обняв Марину, перевесил ее через плечо и унес прочь от мольберта. Она вскрикнула от неожиданности, болтала ножками, грозила изрисовать мне всю футболку.

– Опустим меня, Вова, опусти!

А я носился с ней по всей квартире.

– Все? Наигрался?

Я спустил ее вниз.

– Да, – переводя дыхание, удовлетворенно добавил я.

И в эту же секунду, той кисточкой, что оставалась в ее руке, Марина начала водить по моему лицу: я превращался в кота с зеленой бородой. А она смеялась. О, как божественно она заливалась хохотом! Я бы позволил ей вылить на себя всю банку краски, только чтобы она не останавливалась радоваться. Очарованный ее смехом, я оставался неподвижен. Дорисовав и превратив меня в человека-зеленку, она прижалась ко мне и поцеловала в губы.

– Ну берегись, теперь ты у меня получишь! – я подхватил ее на руки и понес в спальню. Сперва она просила меня оставить ее в покое, а потом уже не могла остановиться, умоляя наказать еще и еще. Мы занялись любовью...

Пламя с треском поглощало дрова, а я с жадностью допивал вино. Я не посмею избавиться от картин, наверное, я слишком тонкокожий человек. Невольным быть тому, кто и вправду любит.

Я взял со шкафа коробку, в которой когда-то хранилось печенье, а сейчас наши с Мариной воспоминания. Она завела эту «шкатулку» на первую годовщину нашей любви. Я, тридцатитрехлетний преуспевающий бизнесмен, тогда только стал подумывать над предложением руки и сердца этой девушке. На крышке коробки с внутренней золотистой стороны блестела надпись: «Тем, кому суждено быть вместе».

В коробке уместилось два десятка полароидных фотографий, моя открытка на День святого Валентина, бутоньерка с нашей свадьбы, жемчужное ожерелье, которое я ей подарил. Ах, как красива она была, держа на хрупкой шее ряды жемчужных бус... В каком волнении я пребывал, делая ей предложение руки и сердца в День всех влюбленных.

Уловив свет от огня, мое обручальное кольцо, блеснуло золотом. Я все еще носил его. Оно стало продолжением меня. Весомей всех фото и подарков. Восьмой нитью связи с Мариной.

Я достал фотографии и стал их пересматривать. Я знал каждую наизусть. Я мог повторить все слова, сказанные в те моменты, залитые вспышкой фотоаппарата.

Здесь Марина в первый раз села за руль подаренного мною автомобиля. Тем сентябрьским днем она чуть было не угробила этот новенький Aston Martin. Вождение не было ее коньком, да и особой страсти к автомобилям она, как и многие женщины, не испытывала. Жаль, что авто пришлось продать. Оно ей так подходило по образу. Хотя Марина своим образом в глазах людей не особо-то и дорожила. Ее главной добродетелью было сострадание. Ездить на шикарной тачке, в то время как многие люди в этой стране едва сводили концы с концами, она считала позорным. Хотя, мне кажется, еще одной причиной, почему она отвергла мой подарок, было то, что ей нравилось ездить в городском трамвае. В этом навеянном временем трамвайчике по Подолу. Трамвайчике, который медленно и нарочито ехал старенькими и узенькими улочками одного из самых красивых городов на земле.

Часто бывало, ей что-то придёт в голову, и в выходной день она тащит меня за руку на трамвайную остановку, мы запрыгиваем в красно-жёлтый вагон и медленно, под стук рельсов и механизмов, отправляемся в путешествие по ее детству. Это была дань тому времени, когда родители возили маленькую Марину в детский сад и школу на вот таком же трамвайчике. Воспоминания настолько сладко сохранились в ее памяти, что иногда мне казалось, будто ее тяга к стучащим составам даже сильнее любви ко мне.

В подобные поездки она всегда брала с собой мелочь и оплачивала проезд за нас двоих. Словно ухаживая за мной. Я всегда шутил, что один проезд в трамвае мне уж слишком дорого обходится после.

Стоящая спиной девушка в красном вязаном платье и мужская рука в кадре – это мы в день ее рождения. Задувая свечи на торте, она загадывала желание стать моей женой. Я бы вечно продолжал воплощать ее мечты в реальность, если бы только Бог дал нам больше времени. Возможно, нам бы удалось открыть еще тысячи вселенных на двоих, но как теперь знать.

Она оставила меня одного в необъятной вселенной одиночества.

Нет, я не стыжусь его. Я даже полюбил это чувство. Ведь за ним кроется возможность проводить время с ней. Даже сидя здесь, этим вечером у камина, я не так уж одинок, пока в моем сердце искрится все та же любовь к моей жене.

Когда ты одинок, тебе не сразу это разгадать. Иногда суетливые будни настолько сильно нас затягивают, что, даже пребывая в сердечных отношениях с человеком, ты все же остаешься один. Подобное чувство испытывает много семейных пар, в которых добытчики материальных благ слишком увлечены миссией прокормить семью. Подобная угроза нависала и над нами. В первый год нашей любви я все еще вел несколько весьма успешных проектов в России и Европе, поэтому очень много ночей и дней проводил вдали от дома.

Когда я был совсем еще маленьким мальчиком, мечтал о том, чтобы путешествовать по миру и зарабатывать огромные деньги. Я несколько лет шел к этому. Моя мечта сбылась, когда

меня избрали исполнительным директором одной из самых больших украинских компаний. Именно в тот год мы и познакомились.

Прилетая в Киев, я обязательно навещал родных и друзей, но не только за этим я преодолевал далекие расстояния. Именно в этом городе мне удавалось отыскать и себя. Во время прогулок в киевских парках я находил это единение.

В один из теплых весенних дней, ожидая своего времени приема с важным человеком государства, я прогуливался по роскошному парку, раскинувшемуся на Печерских холмах. Женщины и мужчины уверенно проносились по его тропам в деловых костюмах без верхней одежды. Я же, напротив, не учтя погодные обстоятельства, задыхался в своем бежевом пальто, пока не снял его, небрежно перевесив через руку. Так вот гуляя и думая о своем, я понял, что мне уже за тридцать, а я в разъездах между Веной или Ригой, Москвой или Киевом все так же вечно холостой. Пришло время жить не только для себя и отца с матерью, пришло время самому стать отцом и мужем. Возможно, не совсем типичные размышления для мужика, но именно такие мысли не покидали моей головы в тот день, когда навстречу мне шла она.

Все эти мысли о семье и женитьбе вдруг обрели фокус. Я увидел ее. Девушку в красивом легком платье цвета неба, с каштановым золотом волос. Мой шаг замедлился, и я едва сумел остановить себя в желании прикоснуться к этому ангелу. Сраженный ее красотой и грацией, я сперва не нашел слов, чтобы первым начать разговор. Не говоря уже о том, что знакомиться с девушками на улице не совсем в моих правилах воспитания. Сперва она показалась мне недосыгаемой, как далекая звезда для пилигрима. Идя навстречу друг другу, мы просто молча разошлись.

Я не мог не оглянуться, мои глаза требовали еще, а сердце стало биться чаще. «Я оглянулся посмотреть, не оглянулась ли она, чтоб посмотреть, не оглянулся ли я». Но увы... Девушка столь же медленно и уверенно шагала дальше, наслаждаясь теплым днем. Я не знал, сколько мне еще предстоит ожидать аудиенции, потому решил проследовать за незнакомкой. Я тут же развернулся и медленно пошел за ней, все больше и больше очаровываясь ее походкой. Она была столь легка, словно птица в полете. Наблюдая за ней так несколько минут, я понял, что она, возможно, как и я, кого-то ждет. Вдруг она резко обернулась и с невозмутимым видом двинулась мне навстречу, ускоряя шаг. Я хотел опять с ней заговорить, но струсил. В этот раз, когда мы дважды разминулись, я смог разглядеть ее лицо, вишенные губы и изумрудные глаза.

– Меня зовут Марина, и я знаю, что вы наблюдаете за мной, – донесся до меня женский голос.

Я остановился. Видимо, она второй раз давала мне шанс первому заговорить, только я, глупец, и этот шанс провел в растерянности.

– Я Вова, очень приятно, – наши глаза смотрели друг на друга, а руки впервые соприкоснулись. – Почему бы нам не выпить по чашечке кофе?

– Я обручена, но можно.

Меня словно облили сперва горячей, а после холодной водой. Моя улыбка, возникшая от прикосновения к этой девушке, едва не сошла на нет. Но здесь уже не было места для растерянности. Я быстро вспомнил, где поблизости есть хороший ресторан, и мы направились туда.

К счастью, Марина оказалась очень общительной и непринужденной. Барьер, который иногда возникает при новом знакомстве, словно бульдозером снесло. Уже на второй минуте нашей прогулки к месту, где подавали отличнейшие французские закуски и горячий бельгийский шоколад, мы заливались звонким смехом. В тот день я обрел невероятную легкость бытия. Это счастье мне подарила без пяти минут незнакомка.

– Добрый день, Владимир Романович, – услужливо поздоровалась администратор ресторана, в который мы вошли. Я почувствовал себя шишкой Коммунистической партии времен Советского Союза.

– Вас здесь даже по имени зовут, Владимир Романович. Подрабатываете промоутером заведения? – пошутила Марина.

– Время от времени приходится, – подыграл я.

Нас провели за мой любимый столик, у окна на втором этаже. Я дружил с владельцем этого ресторана, и мы частенько здесь вместе обедали в перерывах суеты.

– Так чем вы занимаетесь? – с интересом в глазах спросила моя новая знакомая.

– Я летчик-испытатель.

– Летчик-испытатель?! – она вскрикнула от восторга.

– Нет, это я шутки шучу, на самом деле я обычный сотрудник в большой компании.

Ее энтузиазм поубавился.

– А вы?

– А я маркетолог, но больше мне по душе рисование, поэтому и занимаюсь созданием дизайна различных продуктов.

Марина назвала некие бренды, отметив, что их дизайн разработан с ее подачи.

– Очень интересно, – отметил я.

– На самом деле это не так. Я вот сейчас подумываю уволиться.

– Почему же?

– Просто эта работа крадет слишком много времени, и его у меня совсем не остается на хобби.

– Любопытно. Я надеюсь, вы рисуете не в детских книжках-раскрасках?

– Нет. Здесь я отдаю предпочтение японским аниме. Если вы понимаете, о чем я.

Мы рассмеялись. Она была еще и чертовски остроумной.

– Какое хобби у вас?

– Я зарабатываю деньги.

– Скучный ответ, – она наигранно зевнула.

Нам принесли меню. Моя знакомая растерялась в выборе. Я же, прокручивая в голове фразу, что она обручена, смотрел на ее пальчики, на которых красовалась пара аккуратных колец. Я всегда забывал, на каком пальце носят обручальное кольцо, поскольку не слыл знатком подобных нюансов.

– Посоветуете что-то? – перелистывая меню, спросила девушка.

Я с охотой отозвался на ее просьбу и, узнав, что она предпочитает, порекомендовал свой любимый десерт. Заказ был сделан.

– Марина, вам говорили, что вы очень красивы? – вырвалось у меня.

«Да зачем такое спрашивать, дурень, конечно, ей говорили».

– Спасибо, приятно слышать, – девушка приняла мой неумелый комплимент. – Погода сегодня отличная, – глядя в залитое солнцем окно, отметила Марина, поинтересовавшись, что я делал в парке.

– Прогуливался. Погода ведь действительно шикарная. А вы?

– Мой офис неподалеку, а сейчас обеденный перерыв, – она взмахнула ресницами, посмотрела на свои наручные часы и добавила: – Был обеденный перерыв.

– Вам нужно идти? – с плохо скрываемой досадой в голосе спросил я, опасаясь, что ее кто-то ждет и наше время может оборваться прямо здесь и сейчас.

– Нет. Я же согласилась выпить с вами кофе, а его даже еще не принесли, – улыбаясь, успокоила меня красавица.

– Это хорошо.

Фактически в тот самый день я испытал ощущение, которое называют любовью с первого взгляда. Марина была божественна. Ее внешность, голос, манера разговора и поведения. Я был очарован с первой минуты. И каждую последующую минуту рядом с ней чувствовал все

нарастающее притяжение. Это была нить электрических зарядов между двумя людьми, нить, которая сковывала, грела и притягивала два сердца.

Мы пили горячий шоколад, общались, ели сладости, смеялись. Потом перешли на ты. Проводив ее к офису, я все же набрался смелости спросить:

– Марин, в самом начале ты сказала, что обручена, это правда?

Она остановилась, сняла с пальца кольцо и переместила его на палец другой руки.

– Нет, это была ничего не стоящая фраза, – Марина отвела глаза, а потом взглянула на меня с огромной нежностью и верой. А я не стал рыться в деталях, почему она это сказала, и был невероятно рад получить подобный шанс. Не упуская возможности, сразу пригласил ее на еще одно свидание.

Из коробки я достал наше первое фото. Прогуливаясь по Крещатику на втором свидании, она затащила меня в специальный автомат, где вы сидите кривляетесь, а он вас щелкает, выдавая целую ленту снимков. Я, конечно, выгляжу как идиот на половине из них. Но именно эти фото запечатали на пленке ее невероятный смех.

Сегодня я бы многое отдал, чтобы заслужить смех этой женщины.

Огонь в камине то разгорался, то утихал. Пришло время подбросить еще дров. Я обратно уселся в кресло и отбросил голову назад.

– Зачем ты ушла?! Зачем оставила меня?! Марина, Марина... – мои глаза наполнились грустью, а кровь разносила по телу огонь, сжигающий сердце.

Я не был один и был. Физически квартира была лишь в моем распоряжении. Но я знал, что ее образ всегда сопровождал меня. И возможно, даже сейчас, в этот тихий вечер она жалеет меня, взывая к пламени огня обогреть меня, как ей уже не удастся.

Раздался звонок. Я пошел открывать дверь.

– Валерия?

– Здравствуй, – закутываясь в шарф, на пороге ждала девушка. – Прости, что без предупреждения. У меня даже нет твоего номера телефона.

– Проходи, – пригласил я.

– Я буквально на секунду. Мне кажется, я забыла у тебя свой клатч, – она посмотрела по сторонам и, нагнувшись, достала из-за дивана нечто, что принадлежало ей. – Вот он. Видимо, когда мы прощались, я так спешила, что даже не заметила, как обронила его. Все хорошо? Вы... Вернее, ты выглядишь озабоченным. Что-то случилось?

– Нет, все в порядке. Я просто не ждал тебя в гости.

– Вова, если бы ты дал мне свой телефон, нам было бы легче договариваться об уроках.

– Увы, у меня нет телефона.

– Нет телефона? Как это может быть в двадцать первом веке? – ее глаза округлились до пяти копеек.

– Вот так, – я улыбнулся.

– Ни мобильного, ни домашнего? – уточняла она.

– Нет, – у меня действительно не было телефона. Да у меня не осталось и людей, кому звонить или кто звонил бы мне. А на тот свет телефонов еще не придумали. – Вам говорили, что вы очень странный?

– Тебе говорили, что ты очень странный? – исправил я девчонку.

– Да, тебе говорили, что ты очень странный? – она все еще удивленно смотрела на меня.

– Может, чаю? – решил я проявить гостеприимство.

– Да, было бы неплохо. Уж очень холодно сегодня вечером на улице, а у тебя, как всегда, камин греет, – она, не раздеваясь, прошла в холл, заведя горящий камин в мастерской.

– Да, греюсь, как выходит, – я вспомнил, что у меня нет чая. Ведь сам-то я обычно пью кофе. – Я предложил тебе чай, но у меня его совсем нет. Может, кофе? – виновато переспросил я.

– Нет, спасибо, я не пью кофе вечером. Ладно, тогда в другой раз.

– Я могу смотаться в магазин внизу, – сам не знаю зачем предложил я.

– И вправду ничего страшного, не стоит, – заверила меня Валери.

– Решай. Мне все равно нужно сигареты купить, – я стал накидывать на себя куртку.

– Может, ты занят, а я опять тебя буду отвлекать?

– Ничего страшного, – я снова попытался проявить гостеприимство, к тому же было видно, что она действительно замерзла. – Ты раздевайся и проходи на кухню, я вернусь через пять минут.

Он закрыл за собой дверь. Я осталась одна. Но чувство было, словно кто-то находится рядом. Я расстегнула пальто и подошла погреться у камина. Это был очень красиво декорированный старинный камин, исполненный в черном мраморе со вставками коричневого дерева. Не знаю, как в пятиэтажном жилом доме им разрешили его установить. Но судя по холодным батареям, именно этому орудию приходилось согревать всю квартиру. Я присела на кресло рядом у огня и случайно задела что-то, что с грохотом свалилось на пол. Это была коробка с фотографиями и мелкой ерундой. Я спохватилась, чтобы быстро все исправить и вернуть на место, но фотографии вызвали во мне безумный интерес.

Мой новый учитель на всех фотографиях обнимал красивую девушку, светясь от счастья. Сперва я даже не поверила, что парень на фото и мужчина, которого я знаю лишь второй день, это один и тот же человек. Они на море, в парке, в кабине фотоснимков, на дне рождения... Очень красивая пара. Каждая фотография была пропитана любовью и нежностью. Мне даже захотелось оказаться на месте этой шатеночки. Они были прелестны. Я аккуратненько все сложила, как оно и было, и втупилась в огонь. «Почему же они не вместе?» – задалась я вопросом, но знала, что пока не смогу подобное спросить.

От огня в камине мои щеки пришли в себя. Я согрелась, мне даже стало жарко. Сняв пальто, решила оставить его в холле. Холодный воздух ворвался из открывшейся входной двери. Вова держал в руках коробку чая.

– На улице действительно не мартовская холодина, но чай я достал. Пойдем пить?

– Конечно.

Мы прошли на кухню, он поставил чайник. Уселись за стол.

– Извини, я забыл, что у меня нет совершенно ничего к чаю.

– Не стоит переживать.

– А что, нынче дети не едят больше сладостей?

– Дети, возможно, и едят, но старшеклассницы, следящие за фигурой, нет.

– Вот оно что, – рассмеялся Вова.

– Именно.

– И как же обстоят любовные дела у этой старшеклассницы?

Сама не знаю почему, но меня очень смутил подобный вопрос от этого мужчины. Однако, почувствовав это отличным шансом затронуть тему, которая была интересна мне, я ответила искренне, в надежде установить доверительные отношения.

– От парней нет отбоя. Но влюблена я лишь в одного. Да и тот дурак. Наверное, в подростковом возрасте все парни глупцы.

– Оу-оу-оу. Дамочка, а вы, я вижу, уже этот возраст покинули, что ли?

Он смеялся надо мной.

– Нет, но иногда эти мальчишки как учудят что-то, так хоть не разговаривай с ними! – вспомнив, как меня разозлил мой бойфренд, я немного повысила голос.

– Ну это приходит со временем.

– Что приходит со временем? – я попыталась уточнить поучения Владимира.

– Чувство такта и верных поступков.

– Ой, мне кажется, что женщины и мужчины всегда будут немного на разных осях.

– Это тебе мама говорила? – он опять улыбался.

– Нет, бабушка, – меня немного стал раздражать его несерьезный подход ко мне. – Моя бабушка действительно считает, что мужчины и женщины очень разные, чтобы быть безоблачно счастливыми друг с другом. Но именно эта расхожесть и притягивает их, восполняя пробелы одного тем, что есть у другого.

– Очень интересная теория, – так отозвался мой собеседник на идею моей бабушки. – А вдруг встречаются люди, которые могут создать друг другу безоблачное счастье?

– Ты думаешь?

– Почему бы и нет?

– Мне просто кажется, даже Золушка не жила со своим принцем без единого скандала.

Мы оба рассмеялись.

– Иногда я, бывает, придумваю что-то такое нелепое и не могу удержаться, чтобы не ляпнуть. Хотя с каждым последующим годом этого во мне остается все меньше и меньше.

– Конечно, ты ведь взрослеешь, – Вова приподнялся за чайником и стал разливать в чашки кипяток.

– Вов... Вот ты мужчина, который уже взрослый, скажи, у тебя были когда-либо отношения с женщиной без единого пятнышка скандала? – я решила вырывать на интересующую меня тему таким вот образом.

Он подумал несколько секунд, наверное, вспоминал все свои амурные делишки, и сказал, усаживаясь обратно на стул:

– Без ссор не обходятся ни одни любовные отношения. Вот как ты поймешь, что чай сладкий, не попробовав перед этим горечи? – он, ухаживая за мной, пододвинул горячую чашку чая. – Вот, грейся.

– Спасибо.

Меня действительно быстро согрела его компания и наш разговор. Он поначалу всегда казался таким хмурым, но пока что мне удавалось быстро вызвать на его лице улыбку. И я думаю, он не пожалел, что взял меня в ученицы. По крайней мере, теперь ему есть, с кем вечерами пить чай.

– Надо бы придумать, как я могла бы с тобой связываться, а то без телефона это совсем не годится. Не голубями же тебе письма слать.

Допивая чай, я еще немного позадалбливала его своими вопросами, но напрямик спросить так и не смогла. Наверное, и не стоило. Когда чашки наши опустели, он предложил мне еще, но я отказалась. Не хотела, чтобы мои родители волновались, да и телефон, спрятанный в кармане джинсов, время от времени вибрировал. Наверняка сообщения от моего бойфренда. Но, так как мы повздорили недавно, я могла себе позволить включить режим недотроги и немного поизмываться над ним своим молчанием.

– Спасибо за чай и компанию, думаю, мне пора.

– Обращайся, – с улыбкой произнес он и первый встал из-за стола.

Проводив меня до двери, он удостоверился, что я ничего не забыла, и пожелал хорошо добраться домой.

Я шла на трамвайную остановку неподалеку от его дома и прокручивала в голове фотографии, которые увидела. Я не узнала, что случилось, но судя по всему, он очень любил эту

женщину. Я надеялась, что он когда-нибудь мне все же расскажет о ней сам. А пока что это было не мое дело.

Я дождалась трамвая и, сев на семерку, идущую ко мне домой, наслаждалась видом ночного Подола. Ах, как не хочется идти завтра в школу... Опять видеть этого Влада. Вспомнив о нем, я достала мобильник и не ошиблась – это его сообщения приходили во время нашего с Вовой чаепития. Я прочла их все и, ничего не ответив, опять воткнулась в окно, за которым огнями рассыпался ночной Киев.

Я принял душ, надел халат и вернулся в кресло у камина. Со всей трепетностью закрыл коробку и вернул ее на привычное место. Далее взялся за картины, стоявшие рядом, и расставил их в мастерской.

Да, я не сумею с ними проститься. Ни продать, ни выбросить их прочь. Они не смогли бы поместиться в той же коробке. Оставив их на виду, я обнажу наши с Мариной чувства, что жили в этих работах. И если Геннадий Васильевич говорит, что картины умрут вместе с художником, если их не вывести в свет, – что ж, невелика потеря. Я не считал себя особым талантом. Так, посредственный аматор с чувствами все еще влюбленного мужчины. Возможно, навеянные воспоминания вдохновят меня к большему.

Жизнь – это решения. И мое решение – не отпускать ее образ из своего сердца. Пока смогу удерживать ее рядом с собой, до тех пор буду знать, что она все еще здесь, что мы все-таки вместе.

Глава VI

I

– Привет. Почему ты не в школе?

– Привет. У меня уже закончились занятия.

– Я думал, у старшеклассников график поплотнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.